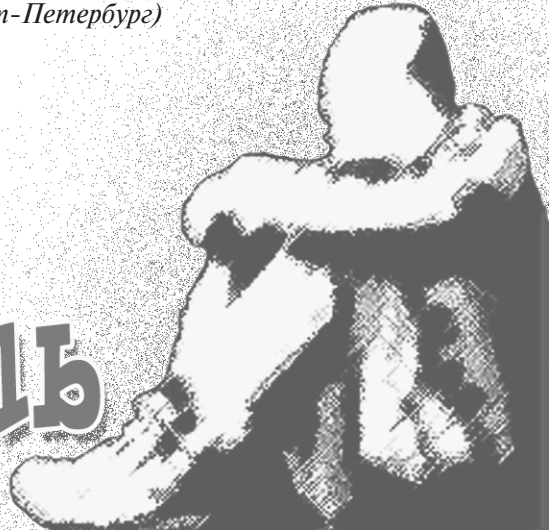


Елизавета АЛЕКСАНДРОВА  
(Санкт-Петербург)

# ПОКУПАТЕЛЬ



Свирид Лякиш проснулся с мыслью приобрести *вещь*. «Не иначе реклама», — покосился он на телевизор и снова закрыл глаза. Лежа в постели, Свирид перебирал знакомых, у которых мог видеть эту *вещь*, но так и не вспомнил, у кого. Было воскресенье, заблудившееся в осеннем тумане московских переулков. Лякиш соскочил седую шетину, сварил всмятку яйца и, поправив в прихожей шарф, спустился в супермаркет. Обшарив все полки, он под пристальным взглядом охраны набрал целую корзину всякой всячины, но *вещи* не обнаружил. «Есть отличный китайский чай, — пожал плечами продавец, к которому он обратился. — Или вот рисовый пудинг...» Свирид пошел к директору. «Все-го не упомянуть, — широко улыбнулся тот, отрываясь от компьютера. — Как вы говорите?» Свирид назвал. Порывшись в каталогах, директор развел руками.

Поднимаясь в лифте, Свирид злился. Если чего-то нет, зачем все остальное? Сумки оттягивали руки, и он опустил их на пол, чтобы открыть дверь. Грузная, неопрятная соседка, с которой они, не здороваясь, прожили много лет, равнодушно скользнула по ним взглядом, но Лякиш смутился — подумает, обжора. Свирид обитал под самой крышей, выйдя на балкон, он закурил, рассматривая летавших под ним птиц, ползущих

внизу прохожих, превращенных высотой в многогочия, и вдруг подумал, что *вещь* есть у каждого, кроме него...

В понедельник моросил дождь, из-за каждого поворота, как убийца, набрасывался ветер, и, выйдя из подъезда, Лякиш поднял воротник. До службы он добирался на метро и обычно, глядя в лица, пытался угадать, кто занимает должность, уже не соответствующую возрасту, кого, как и его самого, молодые начальники покровительственно хлопают по плечу. Но теперь он определял, у кого из попутчиков есть *вещь*. В обед, в казенной столовой, он осторожно поинтересовался про *вещь* у сослуживцев, но те лишь недоуменно хмурились. «Притворяются», — решил Лякиш, передавая соль. И обратился к Интернету. Но и в поисковых системах *вещь* не значилась. Он разместил объявления на форумах, отправил заказы в интернет-магазины, но отовсюду пришел отказ. Все точно сговорилось держать *вещь* в секрете. Вечером Свирид обошел окрестные магазины, до сердечных колик объяснял, что ему нужно. «Да это может быть что угодно», — зевали ему в ответ. Свирид мотал головой и, схватившись за грудь, шел дальше, недоумевая, зачем нужны слова, если ими нельзя передать свою боль?

С тех пор его жизнь изменилась. Всю остав-

шуюся неделю он ездил на рынок, примыкавший к московской окраине. Раньше там тянулся лес, теперь густели торговые павильоны. Прочесывая их бесконечные ряды, он находил все, кроме *вещи*. Ему стало казаться, что ее тщательно скрывают, как деньги, которые боятся сглаза. В одной из лавок на него накричали, в другой покрутили у виска.

Но это лишь укрепило его подозрения.

Когда рынок закрывался, Свирид с особенной силой ощущал одиночество. Он возвращался пешком мимо громоздившихся небоскребов, разглядывая пчелиные соты светившихся квартир, брел мимо хаотично разбросанных ресторанов, родильных домов, моргов, больниц, станций метро, кладбищ, и город представлялся ему гигантской мусорной свалкой, на которой затерянные по своим норам люди, как крысы, снуют хоженными тропами. «Лякиш-мякиш!» — раз окликнули его. Из машины, улыбаясь, вышел одноклассник. От неожиданности Свирид скривился, растерянно пожимая протянутую руку. Одноклассник постарел, расплылся так, что изображение в зеркале теперь старательно избегало его. Другой бы сошел с ума, но одноклассник был психиатром. «Другим медицина поможет, — твердил он, как заклинание, — а тебе — нет!» И раскатисто заливался. «Это, как синяя птица, — выслушал он Свирида в японском суши, где они заняли столик у входа. — Помнишь, наш школьный спектакль? Ты был «Молоком», боявшимся скиснуть...» Одноклассник запнулся. «Им и остался», — договорил за него Свирид. «Ну что ты, что ты... — замахал руками одноклассник. — Только гоняться за *вещью* — зря время терять, найди лучше женщину...» Отправив в рот большой кусок, одноклассник поднял вилку: «Да, женщину с глазами, как море...» Играла музыка, мимо столика протискивались пары. «Видал кого из выпускников?» — поддержал разговор Свирид. «Как же, встречались, они считали меня ровесником, а я их — нет!» Одноклассник захихикал и, наклонившись через стол, прошептал: «Главное, Свирид, не связывайся со сверстниками, которые ждут от будущего только одного, чтобы оно и других обмануло так же, как их...» Он опрокинул рюмку, запивая перченую рыбу. «Был у меня один, убежденный холостяк, который на старости женился... «Время пришло,

— говорил он, трогая проплешины. — Когда уже ушло...» Отодвинув пустую тарелку, одноклассник закурил. «Знаешь, одни с рождения, как заводные игрушки, и, только наломав дров, понимают, где живут... — он выпустил ноздрями дым. — Другие, наоборот, быстро открывают, каков мир, и становятся, как рыба, забившаяся под корягу... Ну, бывай!» Молча отодвинув стул, он встал и, расплатившись, вышел.

Виринея Либстук уже несколько раз приходила на рынок. Встав за прилавок, она выкладывала свой товар, на который никто не обращал внимания.

Через месяц у Лякиша мелькнула надежда. «А денег хватит?» — уставился на его карман сгорбленный, как колесо, продавец. Потом хлопнул по его пиджаку — карман обратно не оттопырился: «Вот видишь...» И Свирид стал копить деньги. Он продал всю обстановку, так что в квартире остались голые стены, а в гардеробе — заношенный костюм. Но когда пришел в другой раз, лавку уже закрыли, под вывеской сидел новый хозяин, высокий, сухой, точно распрямился прежний. Той ночью Свириду постучали в дверь. «Покупать будем?» На пороге стоял карлик и вертел в руках бумажный сверток. «А что это?» — «Так не все ли равно?» Свирид растерялся. «Но мне, может оказаться, не нужно...» — «Зато это нужно мне, — расхохотался незнакомец. — Выгадывает продавец, а покупателя никто не спрашивает...» Свирид прикрыл дверь, но карлик уже протиснулся в комнату. «Ну, хорошо, давай разберемся, — защебетал он. — Что изменится, если я расскажу про сверток? Тогда он утратит привлекательность, ведь радуется и огорчается только неожиданное... Предположим, он тебе понадобится, но тогда я подниму цену, и ты прогадаешь... А если не понадобится, ты всегда найдешь дурака, такого же, как сам, и продашь с выгодой... Так что бери не раздумывая...» Свирид покачал головой. Карлик сделал резкое движение, и сверток полетел в окно. «А тебе-то что? — прошипел гость удивленному хозяину. — Раз ты не знал, что там было, значит, для тебя он ничего и не стоил...» Свирид смутился. «А раз ты мне за него ничего не

дал, получи сдачу...» И вlepил пощечину, такую звонкую, что Свирид сразу проснулся.

Была весна, и, стоя за прилавком, Виринея наблюдала, как купаются в лужах воробы, как мокрая собака, отряхиваясь в канаве, пугает брызгами ворон.

Свирид опустился, в дырявом, затертом пальто он приставал к прохожим, выпрашивая про вещь. «Купи лучше яхту», — бросал на ходу один. «Или костюм», — мерил взглядом другой. «Есть прекрасная кухня, совсем новая», — вцепилась в него женщина, похожая на вьюнка. Свирид отвернулся. «Ну, хорошо, — схватила она за рукав, — возьми хотя бы стиральную машину...» Втянув голову в плечи, Свирид шел по пустынной улице и думал, что двадцать столетий Христа закончились, что наступил первый век Консумации. «Дядь, махнемся не глядя?» — вынырнул из подворотни рыжий, веснушчатый мальчишка с холщовой сумкой. Глядя на его нечесанные волосы, Свирид подумал, что в детстве веришь всему, пока не обнаруживаешь, что в газетах нет правды, в жизни — счастья, в церкви — Бога. «Зачем мне кот в мешке?» — заметил он вслух. И погладил мальчишку по голове. «А не пожалеешь? — сбросил тот его руку. — А вдруг я судьбой предлагал поменяться? Или возрастом?» — «Так у меня ни того, ни другого...» — «Конечно, у таких одни мечты, — выставил средний палец мальчишка. — И их продать не могут!» А Свирид весь день думал, что упустил вещь, что она, как судьба, у каждого своя.

Виринея строила воздушные замки и, вылепив из глины, относила на базар.

Скорее по привычке, Свирид обходил торговые ряды, размышляя, что все истинное на свете не имеет цены, ведь и сам мир, как на трех китах, держится на вере, надежде, любви, которые не измеришь в деньгах. «При коммунистах случайного попутчика, кажется, всю жизнь знал, — услышал он хриплый, старческий голос, — а при демократии тот, кого всю жизнь знаешь — как первый встречный...» — «Похожи были, как муравьи, — возражали ему со смехом, — вот и сходились легко...» Свирид остановился. «Раньше все покупалось, да не все продавалось, — гнул свое старик. — А теперь все продается, и, главное, сам покупатель...» Свирид отвернулся и ускорил шаг. «Отчего все так устроено? — думал он. — Отчего прекрасное существует только в воображении, а в жизни оборачивается пустым и глупым?» Как в компьютерной программе, перед ним проплыли неопрятная соседка, угрюмые сослуживцы, молодившийся одноклассник, и он подумал, не пора ли дернуть из розетки шнур. Он еще грезил наяву, когда вдруг заметил девушку с глазами, как море. А перед ней — свою вещь. Свирид затаил дыхание. «Сколько это стоит?» — «Отдам бесплатно, — зарделась продавщица. — Как котенка, в хорошие руки...»

И тут Свирид понял, что вещь ему больше не нужна. Рядом цвели подснежники, нарвав букетик, Свирид протянул его Виринею. Потом взял вещь и, скрывшись за павильоном, выбросил в урну. □

### Елизавета АЛЕКСАНДРОВА

родилась в Ленинграде.

Публиковалась в журналах «Сибирские огни», «Новый журнал» (США), «Балтика» (Эстония),

«Литературный журнал», «Дарьял»,

«Портфолио» (Канада), «Полит-грамма», «Русский переплет»,

в «Литературной газете»,

в сборнике «Русский венок Слободану Милошевичу» и др.

Лауреат конкурса «Северная звезда».

